

III.

Искушеніе Спасителя въ пустынь.

Какая мертвая пустыня:

Песокъ да камни и кругомъ

Горь обнаженная твердыня

Въ своемъ величїи нѣмомъ.

Грусть и безмолвіе.... Порою

Лишь пестрыхъ ящериць семья

Шуршала почвою сухою,

Шипя, вилась въ камняхъ змѣя,

Да крикъ орлиный раздавался

Высоко на вершинахъ скалъ,

Да ночью на добычу рвался

И какъ дитя рыдалъ шакаль;

Пугаль окрестность стонъ совиный

Въ ушелїяхъ дремавшихъ горь.

И отголосокъ лишь пустынный

Вель съ ними страшный разговоръ...

Но и надъ этою пустыней
Лучь солнца ласковый сіяль,
И сводъ небесъ глубоко—синій
Въ покоѣ сладкомъ отдыхалъ;

А ночью звѣзды поднимались,
Какъ Божьи очи, надъ землей,
И горы вершины улыбались
Лунѣ, парицѣ золотой.

Никто, казалось, отъ вѣка
Еще здѣсь не былъ изъ людей...
Но образъ Богочеловѣка
Разъ близокъ былъ пустынь сей.

Влекомый Духомъ, съ искушеньемъ
Бороться Онъ сюда пришелъ,
Чтобъ побѣдить своимъ терпѣньемъ
Отца грѣха, начало золь.

Въ одну молитву погруженный
Постился здѣсь Онъ сорокъ дней,
Но вотъ взалкаль, весь изнуренный,
Природѣ покорясь людей.

II.

Крылами солнце затмевая,
Тогда предсталъ вдругъ передъ Нимъ
Врагъ Неба и губитель рая,
Царь бездны—падшій Серафимъ

Какая встрѣча! Весь—отрада,
Любовь и истина—Одинъ,
Другой—весь ложь, проклятье ада,
Вражды, грѣха—отецъ и сынъ.

Одинъ сіяль, какъ полдень вешній,
Былъ ясенъ, какъ небесъ лазурь,
Другой зіяль, какъ мракъ кромѣшный,
Вздымался тучею средь бурь...

Смущенный Божества святыней,
Онъ дерзкій опустилъ свой взоръ
И, полонъ хитрости змѣивой,
Повель коварный разговоръ.

— „О Ты, изъ всѣхъ людей избранный,
Въ Комъ даже тѣни нѣтъ одной,
Въ своей молитвѣ неустанной
Забылъ Ты о нуждѣ земной.

Мнѣ жаль Тебя: Ты такъ молился,
Теперь же наконецъ взалкалъ,
Но ангелъ съ неба не явился
И пищи нужной не подаль.

Ильѣ хлѣбъ вороны носили,
Народъ твой манной Онъ кормилъ...

Ужель они святѣе были?

Ужель Онъ о Тебѣ забылъ?

Тебя назвалъ онъ даже сыномъ...

Но если Сынъ Ты—что же ждатель?

Камней довольно здѣсь въ пустынѣ;

Тебѣ лишь стоитъ приказать,

И камни въ хлѣбы обратятся

По слову только Твоему—

Тогда и я могу сознаться,

Что точно близокъ ты Ему“..

Но искустителя коварство

Спаситель ясно прозрѣвалъ;

На рѣчь соблазна и лукавства

Спокойно такъ Онъ отвѣчалъ:

„Не хлѣбъ одинъ людей питаетъ,

Въ законѣ Моисей изрекъ,—

И слово Божье насыщаетъ,

И имъ жить можетъ человѣкъ“.

III.

„А, то только отговорки“,

Тогда подумалъ геній зла,

„Мои глаза довольно зорки:

Я вижу слабъ Ты на дѣла

Писанья... Ты на нихъ сослался,

Они помогутъ вѣдь и намъ“...

И новый планъ въ умѣ созданъ,

И такъ доволенъ имъ онъ самъ.

И вотъ, по Божью допущенью,

Согласно замысламъ своимъ,

Беретъ Спасителя... Мгновенье—

Предъ ними Иерусалимъ.

Дома, стѣсненные толпою,

Ихъ плоскихъ кровель пестрый рядъ,

И башни съ бѣлою стѣною,

И мраморъ царственныхъ палатъ...
Весь городъ чудно рисовался,

Прильнувъ къ роднымъ своимъ горамъ;

— Но величаво возвышался
Надъ всѣмъ святой евреевъ храмъ...

На выступѣ стѣны высококомъ

Спасителя поставилъ тамъ

Властитель тьмы, внизу жъ глубоко—

Грѣхами любовался самъ.

Затѣмъ, какъ будто бы встревоженъ,

Къ Нему рѣчь тихо обратилъ:

— „Опасно здѣсь—будь остороженъ:

Тебѣ Богъ крыльевъ не дарилъ.—

Но если Ты—Сынъ Божій, что же?

Тебѣ паденье не вредить.

Вотъ и само Писанье тоже

Объ этомъ ясно говорить:

„Богъ ангеламъ дастъ повелѣнье

Чтобъ на рукахъ Тебя носить,

И даже камня преткновенье

Ногъ не можетъ повредить“

Смотри—толпа насъ замѣчаетъ:

Глупцы стоять, разинувъ рты...

Удобный случай выпадаетъ:
Бросайся съ этой высоты!
Чрезъ это чудо-во мгновенье
Къ себѣ людей Ты обратишь,
И дѣло трудное спасенья
Скорѣй гораздо совершишь“.
Безъ страха съ твердостью небесной
На кровлѣ Божій Сынъ стоялъ,
На городъ грѣшный, но любезный
Онъ съ тайвой грустію взиралъ:
Онъ ясно видѣлъ предъ Собою
Невѣріе, скорбѣль о немъ,
Свой крестъ провидѣлъ Онъ душою,
И гибель города потомъ...
Въ отвѣтъ на слово обольщенья
Нашель Онъ нужнымъ лишь сказать:
„Въ Писаньѣ также есть внушенье.—
Не должно Бога искушать“.

IV.

И огорчился на мгновенье
Тутъ хитрый сатанинскій взоръ...
Но скоро, разогнавъ сомнѣнья,
Онъ дальше замыслы простеръ
— „Ты можетъ ловко лицемѣрить,
Но это все—слова, слова...
Ужели въ самомъ дѣлѣ вѣрить
Тому, что говоритъ молва?...
Нѣтъ это было бь слишкомъ странно,
Чтобъ точно былъ Ты—Божій Сынъ...
Но кто же Ты? Вотъ это тайна:
Подобный не былъ ни одинъ
Ты вѣришь ли въ свое призванье,
Не сомнѣваешься ли въ немъ?“

А можетъ власти лишь желанье
Во всемъ стремленіи Твоемъ?
И онъ возвелъ Его на гору,
Въ мгновеньи чудномъ показалъ
Всѣ царства, славныя въ ту пору,
Весь блескъ, всю пышность ихъ собралъ.
И предъ Спасителя очами
Мелькнулъ во славѣ древній Римъ,
Съ его роскошными дворцами,
Съ его величьемъ міровымъ.
И Греція—въ вѣнцѣ искусства,
Египеть—съ высью пирамидъ,
И Персія, гдѣ мысль и чувства
Ласкалъ восточной нѣги видъ...
Смѣнялись чудныя видѣнья,
И образъ—образъ затмеваль.
Но окомъ праведнымъ прозрѣнья
Спаситель въ глубь ихъ проникалъ:
Онъ видѣлъ тьму—въ сіяньи злата,
Злодѣйствомъ заклеянный тронъ
И—сердце, душащее брата,—
Сквозь багряницу и виссонъ;
Голодныхъ тѣнь—въ пирахъ веселья,
Ярмо рабовъ въ вѣнкахъ изъ розъ,
Въ амфорахъ сладкаго похмелья—
Народовъ кровь и море слезъ.
Его не тѣшилъ блескъ короны
Пурпуръ одеждъ, толпы льстецовъ,
Съ побѣднымъ кличемъ легіоны,
Видъ императорскихъ орловъ...
— „Всѣмъ этимъ я владѣю нынѣ“,
Надменно сатана сказалъ,—
„А у тебя? одна пустыня...“
Скажи, кто власть Твою призналъ?
Но можешь Ты владѣть землею—
Всѣ царства я Тебѣ отдамъ,

Всю славу ихъ, что предъ тобою,
Когда поклонисья мнѣ Самъ“.

Но властно, полнъ негодованья,

Спаситель отвѣчалъ ему:

„Прочь сатана! Велить Писанье

Служить лишь Богу одному“

Стыдомъ и злобою сгорая,

Тогда сокрылся сатана...

И чистыхъ духовъ, гражданъ рая,

Пустыня стала вдругъ полна:

Они съ смиреніемъ предстали,

Чтобъ Сыну Божию служить.

Дни искушенья миновали—

Въ міръ долженъ былъ онъ уходить...

И. Понятовскій.

IV.

Свѣтлая страхичка.

Въ нынѣшнее время пробужденія общественнаго сознанія, время всеобщаго броженія, нерѣдко приходится встрѣчаться съ печальными случаями проявленія недоверія, холодности и даже враждебности народа по отношенію къ духовному сословію и его дѣятельности на нивѣ народной. Много было высказано въ печати и обществѣ горькихъ истинъ и несправедливыхъ нападокъ на эту дѣятельность. Еще болѣе нападокъ приходится выносить дѣятелямъ на нивѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа на плодотворное и просвѣтительное значеніе церковно-школьныхъ дѣятелей. Многіе и многіе огульно называютъ церковно-приходскія школы не школами просвѣщенія въ духѣ и желаніи народномъ, а жалкою пародією на школы, не дѣлающими надлежащаго просвѣщенія и потому, вмѣсто сочувствія, получающими